

На правах рукописи

Володина Анастасия Всеволодовна

ТВОРЧЕСТВО У. ФОЛКНЕРА И ТРАДИЦИЯ ПЛАНТАТОРСКОГО РОМАНА

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Панова Ольга Юрьевна

Официальные оппоненты:

Морозова Ирина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор

Российский государственный
гуманитарный университет,

профессор кафедры сравнительной
истории и литературы факультета
Института филологии и истории

Уракова Александра Павловна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник

Институт мировой литературы имени
А.М. Горького Российской академии наук,

старший научный сотрудник отдела
литератур Европы и Америки Новейшего
времени

Ведущая организация:

**Санкт-Петербургский государственный
университет**

Защита состоится « 10 » ноября 2016 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.25 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан

« ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, доцент

 А.В. Сергеев

ТВОРЧЕСТВО У. ФОЛКНЕРА И ТРАДИЦИЯ ПЛАНТАТОРСКОГО РОМАНА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Исследование представляет собой анализ традиции плантаторского романа, зародившегося в 1820-х гг. XIX в. на Юге Америки и развивавшегося на протяжении всего столетия. Творчество Уильяма Фолкнера (1897-1962) рассматривается как неотъемлемая часть этой традиции. Подчеркнем, что сопоставление произведений Фолкнера с произведениями предшествующей традиции носит не типологический характер, а историко-литературный: в диссертации изучается бытование топики плантаторского романа от ее зарождения до той трансформации, которую она претерпевает в XX в. в творчестве Фолкнера. Термин «топика», восходящий к Э.Р. Курциусу, используется в исследовании в общепринятом в литературоведении значении системы воспроизводимых и постепенно трансформирующихся общих мест, «поддерживающих непрерывность традиции как культурной целостности»¹: это «твёрдые клише или схемы мысли и выражения, запечатлевающие формулы, фразы, обороты, цитаты, стереотипные образы, эмблемы, унаследованные мотивы»², элементы сюжетной схемы, устойчивые персонажи, тематика и символика. Использование литературной топики обуславливает и генерализирующий метод исследования, который позволяет сосредоточить анализ в большей степени на традиции, чем на индивидуальных особенностях писателей. Признавая У. Фолкнера более крупной фигурой, чем его предшественники в традиции плантаторского романа, мы останавливаемся на моментах воспроизведения топосов в его творчестве как в виде дословного повтора, так и в виде переозначивания или трансформации. Новаторство Фолкнера рассматривается как этап развития и трансформации традиции; его модернистские техники и приемы не представляют для нас самостоятельного интереса в качестве объекта исследования. Рассматривая их как часть авторского эксперимента с традицией, мы опираемся на многочисленные работы исследователей специфики фолкнеровского модернизма.

Степень изученности вопроса

Творчество Фолкнера активно изучалось как само по себе, так и в сравнении с другими авторами и текстами в рамках литературы модернизма, потерянного поколения, романа потока сознания, психологической прозы. Памятуя о том, что Фолкнер – исконный

---

¹ Махов А.Е. «Историческая топика»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. С. 275-289.

² Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages. – Princeton (NJ): Princeton UP, 2013. P. 70-71.

южанин, его помещают и в контекст исканий южного Ренессанса, сравнивая с современниками – Э. Уэлти, Р.П. Уорреном и др. Однако само понятие «южный Ренессанс» подразумевает определенную литературную традицию, и связь Фолкнера с этой традицией изучена слабо – главным образом представлена в работах, посвященных связям Фолкнера и южной истории, без обращения к собственно литературному материалу.

Применительно к творчеству Фолкнера определение «плантаторский роман» встречается в единичных работах. Так, Р. Годден в статье «Сложная экономика: Фолкнер и поэтика плантаторского труда» (2007) называет такие произведения, как «Шум и ярость», «Авессалом, Авессалом!» и «Сойди, Моисей» главными плантаторскими текстами Фолкнера. Однако эти единичные упоминания³ не могут служить основанием для того, чтобы говорить об общепринятом включении Фолкнера в традицию. По отношению к его произведению также употребляется определение «пост-плантаторская литература»⁴, однако этот относительно новый термин еще не закрепил свои позиции в литературоведении.

Тем не менее, сопоставление писателя с авторами XIX в., точнее, пореформенного Юга, встречается регулярно. В один ряд – но не на один уровень – с авторами плантаторских романов ставят Фолкнера такие признанные исследователи, как Л.Д. Рубин, У. Тейлор, Л. Маккитан, Р. Грей.

Л.Д. Рубин в исследованиях «Далекая страна: писатели современного Юга» (1963), «Писатель на Юге: анализ литературного сообщества» (1972) рассматривает Фолкнера в русле традиции, сравнивая с авторами пореформенного Юга – Дж. Кейблом, Дж.Ч. Харрисом и Т.Н. Пейджем. Исследования Рубина представляют ценность не только с точки зрения анализа литературного материала, но также и в историко-литературном плане, поскольку исследователь пишет о месте писателя в южном сообществе, о переосмыслении предшествующей традиции на рубеже веков и причинах нежелания многих авторов признавать свою принадлежность этой традиции.

У. Тейлор, изучавший топос южного джентльмена в довоенном плантаторском романе в работе «Кавалер и янки: Старый Юг и национальный американский характер» (1961), рассматривает произведения Фолкнера в контексте традиции. В исследовании

---

³ См. тж.: Matthews J.T. William Faulkner: Seeing Through the South. – Chichester (U.K.); Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2009.

⁴ Напр. Loichot V. Orphan Narratives: The Postplantation Literature of Faulkner, Glissant, Morrison, and Saint-John Perse. – Charlottesville (VA): University of Virginia Press, 2007; Hinrichsen L. Possessing the Past: Trauma, Imagination, and Memory in Post-Plantation Southern Literature. – Baton Rouge (LA): LSU Press, 2015.

«Фолкнеровский анализ Юга» (1983) Тейлор очень кратко освещает схожесть произведений Фолкнера с романом «Суоллоу Барн» (1832) Дж.П. Кеннеди, подробнее останавливается на послевоенной прозе Т.Н. Пейджа и Т. Диксона.

Л. Маккитан в исследовании «Аркадийская утопия: время и место в южной литературе» (1980) кратко характеризует кристаллизацию мифологемы южной пасторали в XVIII и первой половине XIX в. и рассматривает трансформацию этой мифологемы на пореформенном Юге, обращаясь к произведениям Т.Н. Пейджа, Дж. Харриса, Ч.У. Чесната и У. Фолкнера.

Неоценимую помощь дало изданное под редакцией Л. Маккитан многогранное и объемное «Исследование южной литературы: темы, жанры, места, люди, действия, мотивы» (2002), в рамках которого топосы традиции систематизированы и представлены в развитии от колониального периода до конца XX века.

Р. Грей, исследуя южный регионализм⁵, обращается также и к плантаторскому роману в статье «Плантаторский роман и безумная женщина на чердаке: “Непобежденные”». (1994). В этой статье Грей рассматривает роман Фолкнера «Непобежденные» (1938) как реинкарнацию плантаторского исторического романа в условиях нового Юга.

Из работ 2000-х гг. отметим статью В. Маковски «Фитцджеральд, Фолкнер и наследие плантаторского романа» (2003), в которой преобразование южной пасторали рассматривается на примере рассказа Т.Н. Пейджа «Масса Чан: история старой Вирджинии» (1884), романа У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и произведений Ф.С. Фитцджеральда.

Дж. Кинер⁶ изучает трансформацию шекспировских мотивов в южном контексте на произведениях У.Г. Симмса, Т.Н. Пейджа, Т. Диксона, большая часть работы посвящена Фолкнеру.

Выделим главу «Фолкнер и плантаторская литература» в книге «Разлад в душе: борьба Фолкнера с призванием» М. Гримвуда (2009) как редкий случай сопоставления творчества Фолкнера с ранней традицией плантаторского романа. М. Гримвуд обращается к топосу плантации как центра южного мироздания, рассматривая роман Дж.П. Кеннеди «Суоллоу Барн», а также воспроизведение этого топоса Фолкнером как в жизни, так и в творчестве.

Из последних работ отметим докторскую диссертацию А.Б. Лонга «Фолкнер и послевоенный Юг» (2012), в которой тема национального единства и расового комплекса

---

⁵ Gray R.J. The Literature of Memory: Modern Writers of the American South. – N.Y.: The Johns Hopkins UP, 1977; Gray R.J. Writing the South: Ideas of an American Region. – Baton Rouge (LA): LSU Press, 1997; Gray R.J., Robinson O. A Companion to the Literature and Culture of the American South. – Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2007.

⁶ Keener J. B. Shakespeare and Masculinity in Southern Fiction: Faulkner, Simms, Page, and Dixon. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.

рассматривается в произведениях Фолкнера как унаследованная от плантаторских романов Ч.У. Чесната, Т.Н. Пейджа и Дж. Кейбла.

В статье П. Шмидта «Такая поразительная истина: Фолкнер и плантаторская проза США» (2014) исследуется, как амплуа черной няни⁷ и сюжетные ходы плантаторского романа перешли из предвоенных романов в произведения Т.Н. Пейджа, Дж.Ч. Харриса, Ч.У. Чесната, Т. Диксона и У. Фолкнера.

Также отметим работы, посвященные отдельному сопоставительному анализу произведений Т. Диксона и У. Фолкнера – как правило, речь идет об исследовании расового комплекса, как, например, в статьях Э. Сандквиста⁸. При этом сравниваются как книги, так и фильмы, снятые по произведениям писателей⁹: «Рождение нации» (The Birth of a Nation, 1915) и «История Темпл Дрейк» (The Story of Temple Drake, 1933).

Из историко-литературных работ мы опираемся также на биографические исследования Дж. Блотнера¹⁰ и Дж. Уильямсона. Монография Дж. Уильямсона «Уильям Фолкнер и история Юга» (1993) представляет особую ценность для исследования, поскольку помимо биографического раздела, посвященного предкам писателя и самому Фолкнеру, в ней также присутствует анализ некоторых мотивов творчества Фолкнера в контексте южной традиции благопристойности.

В отечественном литературоведении сопоставление Фолкнера с авторами плантаторского романа фактически отсутствует, потому мы обращаемся к исследованиям, в которых творчество Фолкнера осмысливается в контексте южного мифа.

Южный миф XIX в. рассматривался в исследованиях В.И. Яценко, Е.А. Морозкиной, Л.П. Башмаковой, Т.В. Алентьевой, М.В. Глостановой, Е. А. Стеценко. Монография И.В. Морозовой «“Южный миф” в произведениях писательниц Старого Юга» (2004) крайне важна для исследования, поскольку, во-первых, в ней отражено становление женской литературной традиции на примере романа «домашнего очага», являющегося одной из разновидностей плантаторского романа, во-вторых, в этой работе содержится список топосов романа «домашнего очага», актуальный для нашего исследования: «природная

---

⁷ Сходство Дилси с образами черной няни из произведений Т.Н. Пейджа подмечал и А. Блайкастен: Bleikasten A. The Most Splendid Failure: Faulkner's "The Sound and the Fury". – Bloomington (IN): Indiana UP, 1976. P. 191. Однако это единичное упоминание не дает нам основания говорить о том, что Блайкастен занимался изучением Фолкнера в русле традиции.

⁸ Sundquist E.J. The True Inheritance of Ike McCaslin // Critical Essays on William Faulkner: The McCaslin Family / Ed. A. F. Kinney. – Boston (MA): G.K. Hall & Co., 1990. P. 154-157; Sundquist E.J. Faulkner, Race, and Forms of American Fiction // Faulkner and Race / Ed. D. Fowler, A.J. Abadie. – Jackson (MS): UP of Mississippi, 2007. P. 1-34.

⁹ Faulkner and Film / Ed. A.J. Abadie, P. Lurie. – Jackson (MS): UP of Mississippi, 2014.

¹⁰ Blotner J. L. Faulkner: A Biography. – N.Y.: Random House, 1984.

сфера Юга», «южный дом», «южная плантация и концепт "большая семья"», «южный джентльмен», «южная женщина», «черная няня», «цветное сообщество», «кодекс чести», «христианская этика и античное наследие».

Также отметим отечественных исследователей, изучавших творчество Фолкнера в контексте литературной традиции Юга. Е.А. Стеценко, автор статей, посвященных колониальной литературе Юга и произведениям Гражданской войны, исследует творчество авторов южного Ренессанса в контексте общей традиции в диссертационном исследовании «Проблемы времени в “южной школе” современного американского романа» (1978), статьях и монографии «Концепты хаоса и порядка в литературе США. От дихотомической к синергетической картине мира» (2009).

Первая глава докторской диссертация В.В. Переяшкина¹¹ «Основные идейно-тематические и образные параметры южной литературы» посвящена литературной традиции Юга от колониального периода до Фолкнера. В.В. Переяшкин подробно останавливается на плантаторских романах Дж.П. Кеннеди, У.Г. Симмса и У.А. Карузерса, показывая кристаллизацию таких топосов южного мифа, как «южный кавалер», «плантация как центр южного мироздания», «Юг – цветущий Эдем». В главе, посвященной Фолкнеру, Переяшкин рассматривает связь истории региона и творчества писателя, Юг как «сакральный», «трагический» и «гротескный» миф в художественном сознании автора, а также этическое содержание южного мифа.

Этическому содержанию южного мифа и переосмыслению его Фолкнером посвящена диссертация И.А. Делазари «Аксиологические модели в структуре художественного мира У. Фолкнера» (2003), а также статьи («Категория “реальной истории” в художественном мире У. Фолкнера», 2002; «Какого цвета чистота? Белые негры Уильяма Фолкнера», 2005). Не обращаясь к собственно литературному материалу предшествующей традиции, И.А. Делазари рассматривает преломление южного мифа в произведениях Фолкнера.

Из работ, посвященных Фолкнеру, отметим также биографию Фолкнера Б.Т. Грибанова¹², в которой, среди прочего, описывается «южный след» в творчестве писателя, а также историко-литературные исследования Н.А. Анастасьева «Фолкнер. Очерк творчества» (1976) и «Владелец Йокнапатофы» (1991), в которых уделяется внимание и биографическому аспекту творчества, и формированию йокнапатофского хронотопа.

Актуальность исследования обусловлена особым вниманием, которое уделяется в последние годы проблеме связи творчества Фолкнера с южной литературной традицией

---

¹¹ Переяшкин В.В. Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции (На материале произведений К. Маккаллера, У. Стайрона, К. Маккарти, Л. Смит): Дис... д-ра филол. наук. – М., 2010.

¹² Грибанов Б.Т. Фолкнер. – М.: Молодая гвардия, 1976.

XIX в. Документальное исследование С. Уолф, посвященное влиянию дневника плантатора Ф.Т. Лика¹³ на произведения Фолкнера, вызвало дискуссию в научном сообществе¹⁴, и связь Фолкнера с южным наследием XIX в. постепенно становится объектом более тщательного изучения историков и литературоведов. Влияние на Фолкнера плантаторских документов делает целесообразным также обращение к литературному материалу, отражавшему и художественно пересоздававшему плантаторский быт.

Научная новизна работы заключается в том, что к произведениям Фолкнера применяется новый подход, позволяющий системно изучить его творчество в контексте и в непосредственной связи с предшествующей традицией, взятой в ее полном объеме. Фолкнер на фоне традиции плантаторского романа представлен в отрывочных исследованиях, посвященных частным сопоставлениям и большей частью ограничивающихся послевоенным плантаторским романом. В данном исследовании творчество Фолкнера впервые рассматривается как качественно новый этап в развитии традиции плантаторского романа.

Цель диссертации: проанализировать творчество Фолкнера в контексте предшествующей традиции плантаторского романа.

Задачи диссертации: проследить преемственность традиции плантаторского романа в творчестве Фолкнера, выявить систему общих мест и точки расхождений и определить, где автор видоизменяет традицию, оставаясь ей верным, а где порывает с ней.

Предмет исследования – развитие и модификация традиции плантаторского романа от Дж. Такера до У. Фолкнера, тематическая топика (пространственно-временные отношения, система персонажей и сюжетные схемы) и топика риторическая.

Объектом исследования являются плантаторские романы 1820-1900-х гг. авторов, произведения которых наиболее репрезентативны для плантаторской традиции, – Дж. Такера, Дж. П. Кеннеди, У.К. Полдинга, У.Г. Симмса, К. Хенц, Дж. Кука, У.А. Карузерса, У.К. Фолкнера (прадеда писателя), Т.Н. Пейджа, Дж.В. Кейбла, Ч.У. Чесната, Т.Ф. Диксона. Привлекается также эссеистика, отражающая взгляды писателей на Юг: «Письма с Юга, переведенные с французского» Дж. Такера (1816), «Письма с Юга, написанные во время летней поездки в 1816 году» (1817) У.К. Полдинга, сборник Т.Н. Пейджа «Старый Юг: социальные и политические эссе» (1892). Фолкнер в исследовании

---

¹³ Wolff S. Ledgers of History: William Faulkner, an Almost Forgotten Friendship, and an Antebellum Plantation Diary (Southern Literary Studies). – Baton Rouge (LA): LSU Press, 2010.

¹⁴ См. напр. Elliot J. Confabulations of History: William Faulkner, Edgar Francisco, and a Friendship that Never Was // The Journal of Mississippi History. – № 74(2). – 2012. January. P. 302-348.

представлен ключевыми произведениями йокнапатофского цикла 1920-1940-х гг., в которых одновременно кристаллизуются основные мотивы его творчества, а также воспроизводятся и трансформируются топосы плантаторского романа, – «Сарторис» (1929), «Шум и ярость» (1929), «Свет в августе» (1932), «Авессалом, Авессалом!» (1936), «Непобежденные» (1938), «Сойди, Моисей» (1942). Привлекаются также сборники рассказов «Тринадцать» (1931), «Доктор Мартино и другие рассказы» (1934), «Собрание рассказов» (1950) и трилогия о Сноупсах – «Деревушка» (1940), Город (1957), «Особняк» (1959). В качестве дополнительного источника используются также статьи, эссе, интервью и выступления Фолкнера: предисловие к роману «Шум и ярость» (1933), статья «Миссисипи» (1954), «Американская мечта» (1955), выступления в Японии (1955), Университете Вирджинии 1957-1958 гг., Вест-Пойнте 1962 г., переписка с М. Каули.

Методология. В диссертации используется филологический анализ исследуемого корпуса текстов, историко-литературный, историко-культурный, в меньшей степени биографический подход. Применяется метод топического анализа, восходящий к Э.Р. Курциусу, – изучается бытование литературной традиции, воспроизводство и постепенная трансформация топики плантаторского романа на протяжении века (1820-е-1940-е гг.).

Положения, выносимые на защиту:

1. В творчестве Фолкнера находит продолжение непрерывно развивавшаяся на протяжении XIX-начала XX вв. традиция плантаторского романа.

2. В произведениях Фолкнера просматривается присутствие и эволюция топосов литературной традиции: если в первом романе йокнапатофского цикла «Сарторис» существенной трансформации не происходит, то в дальнейшем очевидно переозначивание Фолкнером топосов традиции.

3. Имея представление о послевоенном плантаторском романе и используя его топику, Фолкнер, тем не менее, во многом оказывается ближе довоенным романам традиции, пока в ней не произошло существенной идеологизации.

4. Творчество Фолкнера стало той переломной точкой, в которой материал традиции плантаторского романа был подвергнут качественной трансформации и выведен на новый универсальный уровень.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и анализе топосов плантаторской традиции в ее развитии, в заполнении пробела в отечественной американистике, связанного с осмыслением творчества Фолкнера в русле традиции плантаторского романа XIX-начала XX вв.

Практическая значимость работы. Материал, выводы и положения исследования могут быть использованы в преподавании курсов истории американской литературы на

филологических и гуманитарных факультетах университетов. Исследование может быть полезным для специалистов в области истории американской литературы, истории США, культурологии, а также для редакторов и переводчиков.

Апробация результатов работы.

Основные положения диссертации были отражены в трех докладах на конференциях: Ломоносов-2014 (7-11 апреля 2014, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва), Ломоносов-2015 (13-17 апреля 2015, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва), Мифологические образы в литературе и искусстве (29-30 апреля 2015, ИМЛИ РАН, Москва).

Структура работы. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дает общая характеристика работы, раскрывается история вопроса, определяется методологическая база, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается актуальность и новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость.

В **Главе 1 «Фолкнер и традиция плантаторского романа»** раскрывается связь Фолкнера с «южным материалом», описывается влияние истории семьи и края на творчество писателя, характеризуется отношение Фолкнера к традиции.

Параграф 1.1. «Фолкнер-южанин» посвящен семейно-биографическому наследию Фолкнера. Особое место отводится противоречивой фигуре прадеда писателя – легендарного полковника У.К. Фолкнера, который объединял в себе черты как истинного южанина, так и дельца – человека новой формации. У.К. Фолкнер также представляет интерес как писатель: его бестселлер «Белая роза Мемфиса» (1881), обладающий многими чертами плантаторского романа, был знаком правнуку¹⁵. Уделяется внимание и членам семьи, ставшими прототипами для персонажей Фолкнера: дед-банкир, «черный матриарх» Кэролайн Бэрр, «непобежденные» тети, рассказывающие о Гражданской войне, родители. Фолкнер также черпал вдохновение из окружения: местных легенд и рассказов ветеранов. Сам Фолкнер воспроизводил модели поведения, принятые на Юге: с первого гонорара он покупает себе довоенный особняк в классическом стиле, нанимает цветную прислугу.

---

¹⁵ Contwell R. Recollections of a Gifted Family // Conversations with William Faulkner / Ed. M. Thomas Inge. – Jackson (MS): UP of Mississippi, 1999. P. 34; Lion in the Garden: Interviews with William Faulkner (1926-1962) / Ed. J.B. Meriwether. M. Millgate. – Lincoln (NE): University of Nebraska Press, 1988. P. 233.

В разделе дается характеристика исследования С. Уолф, посвященного влиянию на творчество Фолкнера дневника плантатора Ф.Т. Лика и ставшего последним по времени крупным историко-литературным открытием в фолкнероведении.

Параграф 1.2. «Фолкнер о традиции» посвящен отношению писателя к предшествующей литературной традиции. Знакомство Фолкнера с плантаторским романом в целом было поверхностным: писатель утверждал, что не знал о существовании какой-либо южной литературы до Гражданской войны¹⁶. Определенное представление о довоенной традиции давал известный Фолкнеру роман «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, в котором топики аболиционистского романа сплетается с топикой плантаторского романа первой половины XIX в. Из послевоенных романов традиции Фолкнер читал роман «Человек клана» Т. Диксона и, предположительно, видел фильм «Рождение нации», поставленный по романам Диксона «Человек клана» и «Пятна леопарда»¹⁷. Также Фолкнер читал роман своего прадеда «Белая роза Мемфиса», «Сказки дядюшки Римуса» Дж.Ч. Харриса. Из наиболее поздних представителей жанра стоит отметить также эпистолярный роман «Эней Африканский» Г.С. Эдвардса.

В разделе раскрывается самоидентификация Фолкнера как южного писателя: опасаясь быть помещенным в «местечковые авторы», Фолкнер отрицает свою принадлежность к традиции, но признает влияние окружения. Южный писатель XX в., в отличие от писателя XIX в., пишет не для сообщества, служа его интересам, а о сообществе, просто используя понятия, этим сообществом выработанные и его характеризующие¹⁸.

В **Главе 2 «Плантаторский роман: от истоков до Фолкнера»** рассматривается терминология, периодизация и топики традиции.

2.1. Периодизация. Существует две главенствующие точки зрения на периодизацию жанра. Согласно первому мнению¹⁹, плантаторский роман просуществовал с 1820-х по 1860-е гг. и угас вместе с отменой рабства. Вторая точка зрения, более распространенная в современном литературоведении²⁰, подразумевает непрерывность традиции. Согласно

---

¹⁶ Письмо Фолкнера М. Каули от нач. янв. 1946 // Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма / Сост. и общ. ред. А.Н.Николюкина. – М.: Радуга, 1985. С. 422-424.

¹⁷ Blotner J.L. Faulkner: A Biography. P. 115-116.

¹⁸ Rubin L.D. The Writer in the South. Studies in the Literary Community. – Athens (GA): University of Georgia Press, 1972. P. 103.

¹⁹ MacKethan L.H. Genres of Southern Literature. (2004. – URL: <http://southernspaces.org/2004/genres-southern-literature>)

²⁰ A History of Virginia Literature / Ed. K.J. Hayes. – Cambridge (U.K.): Cambridge UP, 2015. P. 280-297; Bryant J.A. Twentieth-Century Southern Literature. – Lexington (KY): UP of Kentucky, 2015; Wilson A. Narratives and Counternarrative in The Leopard's Spots and The Marrow of Tradition // The

этой позиции, в развитии плантаторского романа можно выделить два этапа²¹: довоенный (1820-1860-е) и послевоенный (1870-1910-е).

В разделе дается более детальная периодизация:

- 1) зарождение (1820-е): кристаллизация топики у Дж. Такера;
- 2) расцвет (1830-1840-е): ироническое обыгрывание топосов в романах Дж.П. Кеннеди и У.К. Полдинга; сращение плантаторского и исторического романа (У.Г. Симмс, У.А. Карузерс, Дж.И. Кук);
- 3) идеологизация (1850-е): появление ряда романов, направленных против «Хижина дяди Тома»;
- 4) стагнация (1860-1870-е): во время войны на первый план выходит публицистика, романы появляются лишь изредка;
- 5) возрождение (1870-1900-е): ностальгия по «старому доброму Югу» (Т.Н. Пейдж, Д.В. Кейбл), взгляд на Юг под другим углом зрения, картины пореформенного Юга (Дж.Ч. Харрис, Ч.У. Чеснат), агрессивная проповедь расовой войны (Т.Ф. Диксон);
- 6) переосмысление (1920-1930-е, аграрии, Э. Глазгоу).

2.2. Топика плантаторского романа. Топика плантаторского романа является основой традиции, ее «базовым кодом», повторяющимся, хотя и в измененном виде, на протяжении всей истории традиции. Опираясь на зарубежные и отечественные работы У. Тейлор, Л. Маккитан, К. Сейделл, Т. Харрис, П. Шмидта, И.В. Морозовой, В.В. Переяшкина, О.Ю. Пановой, можно предложить следующую классификацию топосов плантаторской традиции: *пространственно-временная топка* (локус плантации и мифологизированное время), *система персонажей* (плантаторская семья, цветные и черные персонажи, второстепенные белые персонажи – соседи, аутсайдер, юрист, делец), сюжетные схемы (падение южного аристократического рода и возвышение не-аристократов, любовные интриги, дуэли, роковые тайны, расовое смешение), риторическая топка (устойчивые формулы и клише, приемы организации нарратива и стилистические ходы в плантаторском романе). Этот базовый набор топосов определяет облик и узнаваемость традиции.

В **Главе 3 «Локус плантации»** раскрывается роль плантации в романе, описывается, как с течением времени менялась функция природы и изображение особняков.

Oxford Handbook of the Literature of U.S. South / Ed. F. Hobson. B. Ladd. – Oxford (U.K.): Oxford UP, 2016. P. 212-231.

²¹ Taylor W.R. Cavalier and Yankee: The Old South and American National Character. – Cambridge (MA): Harvard UP, 1961. P. 148-149.

3.1. Мифы о плантации. Большая часть действия плантаторского романа происходит на плантации, которая является моделью Юга в миниатюре. Изначально плантация как окультуренная часть природы сопоставляется с райским садом, Аркадией или феодальным поместьем, в котором все говорит о благословенности этого места. Усадьба являлась символическим отражением своих владельцев. Как правило, речь шла об элегантно светлом особняке в классическом стиле, окруженном цветущими садами. В самом доме царит атмосфера тепла, гостеприимства и доверительности, дом хранит память предков, все в нем отмечено печатью истории. Плантация изолирована от города и самодостаточна, что подчеркивало идею самостоятельности аграрного Юга²².

Однако идиллическая картина омрачается разорением плантаторского класса: их имущество уходит с молотка, оказываясь в руках людей низкого происхождения. Бунтует также считавшаяся защитником природа: пересыхают реки, что приводит к раздорам между соседями и разорению, гибели на воде (тонут персонажи-аристократы Т.Н. Пейджа и Дж.В. Кейбла). За годы войны особняки сгорают, поля пустеют и больше не приносят богатый урожай, все вокруг зарастает – природа забирает свое, и на смену благословию приходит проклятье. Исключение можно найти в романах Т.Ф. Диксона, который, как и авторы романов «против Тома», связывает буйное южное цветение не с победой дикой природы, а с устойчивостью Юга, его умением вновь подняться и восстать даже после разрушений войны.

3.2. Фолкнер: от замка к склепу. В произведениях Фолкнера усадьба и род словно погибают вместе со старым Югом. Тихо угасает полный призраков прошлого славный замок Сарторисов. Темницей для младшего поколения становится пустеющая и сужающаяся плантация Компсонов. Старые дома хранят память в виде призраков или даже реальных трупов («Роза для Эмили»). Проклятыми оказываются особняки чужаков – обреченные на сожжение «темные дома» («Свет в августе», «Авессалом, Авессалом!»). С приходом войны также возникает необходимость закрываться и прятаться, южные дома больше не гостеприимны к чужакам («Непобежденные», «Авессалом»). Формой спасения становится добровольный отказ от усадьбы и аристократического образа жизни в пользу охотничьего домика и простой суровой жизни, когда пропитание добывается своим трудом («Сойди, Моисей!»), поскольку у Фолкнера природа все еще остается защитником

---

²² См. MacKethan L. H. *The Dream of Arcady: Place and Time in Southern Literature*. – Baton Rouge (LA): LSU Press, 1980; Claxton M.M. *Gardens // The Companion to Southern Literature: Themes, Genres, Places, People, Movements, and Motifs / Ed. J. M. Flora; L. H. MacKethan*. – Baton Rouge (LA): LSU Press, 2002. P. 288; Carpenter B. *Architecture // The Companion to Southern Literature*. P. 51; Морозова И.В. «Южный миф» в произведениях писательниц Старого Юга» – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос.ун-та, 2004. С. 157-176.

и формой святилища – но только дикая природа, тогда как разделенная на части земля признается проклятой, а вместе с ней проклятыми оказываются и те, кто решил ей завладеть. Добровольное отречение Маккаслинов помогает спастись от зрелища того, как родовые поместья переходят в руки Сноупсов, – тех, для кого дома аристократов имеют значение только как объект торговли или фасад респектабельности.

Глава 4 «Время» посвящена воспроизведению мифологемы «золотого века» в плантаторском романе и у Фолкнера. Раскрывается, как одержимость прошлым ведет к замиранию времени в настоящем, бесплодным попыткам воспроизведения образцов овеянной легендами старины.

4.1. Золотой век и страх истории. В плантаторских романах нет места удовлетворенности настоящим: в большинстве случаев идеал приходится искать в прошлом. При этом движение истории вперед, которое уводит от «золотого века», времени славы или процветания, ведет к упадку.

«Золотым веком» может являться: благополучное время до разорения или гибели главы семейства (Дж. Такер), суровое время первопоселенцев (У.К. Полдинг), XVII-XVIII вв. (У.Г. Симмс, У.А. Карузерт), Юг, хранящий старый уклад и ценности – в противовес моделям, насаждаемым с Севера, (романы «против Тома»), «Старый добрый Юг» (Т.Н. Пейдж, Дж.Ч. Харрис). Т.Ф. Диксон утверждает возможность возвращения «золотого века» с помощью изгнания с Юга враждебных элементов: аболиционистов, саквояжников, бунтарей-негров.

Помимо обращенности к прошлому, стоит также отметить замкнутость времени в плантаторском романе. Как отмечает Е.А. Стеценко, «основным хронотопом в южной литературе XIX века было сочетание относительно замкнутого пространства Юга, южной провинции и времени семьи, рода, истории Юга, что соответствовало исторически сложившейся изолированности региона и его сосредоточенности на собственном прошлом»²³. В плантаторских романах поток времени словно замедляет свое движение, концентрируясь на истории клана. Конец эпохи связывается с вырождением и замещением аристократического рода посторонними элементами.

4.2. Фолкнер: фокус на прошлом. Если в «Сарторисе» еще можно увидеть топысы послевоенного плантаторского романа (героизация, идеализация прошлого), то в остальных произведениях Фолкнера понятие «золотой век» едва ли применимо к «старому

---

²³ Стеценко Е.А. Проблемы времени в «южной школе» современного американского романа. Автореферат дисс... канд. филол. наук. – М., 1978. С. 12.

доброму Югу». В романе «Шум и ярость» специфически южная одержимость прошлым индивидуализируется, будучи связанной не с историческим периодом развития Юга, а с личными переживаниями персонажей. Прошлое может быть названо благополучным только с оговорками – уже в детстве героев очевиден разлад в семье Компсонов, упадок их величия. В романах «Свет в августе», «Авессалом, Авессалом!», «Непобежденные» защита ценностей прошлого, попытка воспроизведения ушедшего уклада ведут к фанатизму, безжалостности и эскапизму. В романе «Авессалом, Авессалом!» и книге «Сойди, Моисей» плантаторская цивилизация оказывается разрушительной и греховной, противостоит ей дикая природа, время «невинности духа». Для Фолкнера имеет значение и библейская составляющая мифологемы «золотого века», что подчеркивается в рассказе «Медведь»: утрата невинности происходит с получением знания о возможности присвоения (людей и земли) и о неравенстве людей с разным цветом кожи. Фолкнеровский «золотой век» находится в прошлом, но не в «старом добром Юге», а во времени первопоселенцев, первозданной природы, как у У.К. Полдинга. Этот тезис находит подтверждение и в эссе 1950-х гг.²⁴, в которых идеи произведений Фолкнера подаются в программном виде.

В Главе 5 «Система персонажей» представлен каталог персонажей плантаторского романа в развитии: от зарождения ампула до его трансформации.

Параграф 5.1. «Южная семья» посвящен персонажам, занимавшим центральное положение в плантаторском романе. Во-первых, это южный джентльмен, который в романе представлен, как правило, двумя ипостасями: отец-патриарх и сын-кавалер. Южный джентльмен является носителем и защитником кодекса чести²⁵, что делает его наиболее уязвимым персонажем, плохо приспособляющимся к изменениям. Место отца-патриарха в романе условно: часто к началу повествования он мертв и является лишь воспоминанием²⁶. Если же он жив, то оказывается человеком честным, но непрактичным и расточительным, что ставит под удар благополучие всей семьи. Топос недалёководного плантатора и его целеустремленной и доминирующей жены, воспроизведенный Г. Бичер-Стоу в «Хижине дяди Тома», вызвал возмущение. В романах «против Тома» расстановка сил меняется: патриарх восстанавливает свой авторитет. Приход Гражданской войны возвращает фигуре патриарха доблесть кавалера – теперь уже кавалера Конфедерации, в

---

²⁴ «Обращение к совету Делты» (1952), «Миссисипи» (1954), «Американская мечта: что с ней произошло?» (1955).

²⁵ Wyatt-Brown B. Southern Honor: Ethics and Behavior in the Old South. – Oxford (U.K.): Oxford UP, 1983.

²⁶ Taylor W.R. Cavalier and Yankee. P. 151-162.

котором воплощается мифологема «проигранного дела». Однако лучшим способом сохранить ореол славы становится героическая смерть на войне, поскольку в ином случае джентльмену придется или потерять все во время Реконструкции, или же начать сотрудничать с новым режимом, предавая свой кодекс чести. В романах Фолкнера патриархи также оказываются под ударом. Наиболее каноничным является овеванный легендами полковник-конфедерат Джон Сарторис, его сын Баярд Сарторис уже лишен ореола славы, в качестве авторитетного хозяина неубедителен, переложив все управление на мисс Дженни и Саймона. Самая жалкая участь постигает мистера Компсона, который умирает от алкоголизма, отказавшись от ответственности за семью.

Ранний уход или же сомнительный пример отца накладывает свой отпечаток на молодого южного джентльмена, на которого ложится ответственность за семью – как за ее материальное обеспечение, так и за охрану семейной чести. По сравнению с отцом, молодого джентльмена отличает более широкий кругозор, достойное образование (обязательно юридическое). Он горд, щепетилен в вопросах чести. Среди джентльменов встречаются ампула южного Гамлета или же «забияки» («Hothead»), берущего начало от шекспировского Гарри Хотспура²⁷, а также вариация типа Дон Кихота²⁸. Чаще всего молодого джентльмена ожидает крах. Исключения можно найти в романах «против Тома» и у Т.Ф. Диксона, который адаптирует образ джентльмена к условиям Реконструкции, лишает его всех недостатков аристократии.

Молодые джентльмены Фолкнера оказываются уязвимы: гибнет по своей вине «забияка» Баярд, втянутым в бесчестный брак оказывается Хорес Бенбоу. Квентин Компсон и его «двойник» Генри Сатпен также оказываются жертвами несоответствия их представления о чести реальности.

Значительную эволюцию претерпевает ампула южной леди. Изначально в числе главных героинь присутствовали только матрона и дочь (благоразумная «леди» или легкомысленная «красавица»)²⁹. Матрона – застывший на пьедестале образ мягкой и нежной жены, ласковой матери, трудолюбивой хозяйки. Это ампула имело силу вплоть до войны, однако с уходом Старого Юга матрона перестает справляться со своей ролью: все чаще подчеркивается ее болезненность и слабость, она сама становится объектом опеки. Функции матроны берут на себя другие женские персонажи: более самостоятельные дочери, тети, черные няни. Героини-матроны Фолкнера карикатурны: они нарочито беспомощны и не приспособлены к жизни. Белл Митчелл, Кэролайн Компсон, Эллен

---

²⁷ Ibid. P. 151.

²⁸ Gines M. Quixotism // The Companion to Southern Literature. P. 703.

²⁹ Manning C.S. Belle // The Companion to Southern Literature. P. 95-97; Seidel K. L. The Southern Belle in the American Novel. – Gainesville (FL): UP of Florida, 1985; Морозова И.В. «Южный миф».

Сатпен остаются незавершенными версиями матроны, вариацией южной красавицы: если традиционный образ все же, как правило, сохраняет мягкую притягательность, а нарастающая нежизнеспособность героинь объясняется их чувствительностью и неумением выстоять в новых обстоятельствах, то Фолкнер не пытается оправдать своих героинь, обнажая неприглядные свойства их характеров: инфантильность, капризность, эскапизм, безответственность.

Дочь изначально является более динамичным персонажем, вовлеченным в любовные интриги. Как правило, дочь более волевая и самостоятельная: причем если изначально ее самостоятельность (в выборе мужа) оценивается скорее негативно, то постепенно с уходом мужчин на войну и падением авторитета матроны дочь наделяется все большей свободой. Героини Фолкнера (Нарцисса Бенбоу, Кэдди, Джудит Сатпен) также сталкиваются с большей ответственностью, они берут на себя роль матроны в управлении домом. Каждая из них проигрывает определенный паттерн: Нарцисса стремится удержаться в роли непорочной леди, а затем уважаемой матроны, Кэдди следует амплу неблагоразумной южной леди, а Джудит Сатпен становится «стальной магнолией»³⁰ – несгибаемой женщиной, которая вынуждена взять на себя полный контроль над плантацией на время войны.

В довоенный период времени старые девы являлись факультативными персонажами комического плана. После войны, когда многие женщины остались без женихов или мужей, авторитет старой девы/бездетной вдовы резко возрос. «Стальная магнолия» подменила собой хрупкий цветок-матрону. У Фолкнера появляется оба амплу: реже встречается тип женщины старомодной, глуповатой и озабоченной вопросами благовоспитанности (Сэлли Уайэт, Софонсиба). Чаще Фолкнер воспроизводит амплу стальной магнолии, подчеркивая в ней милитаристские черты: Дженни, Роза Миллард, Друзилла (гиперболизированный образ). Роза Колдфилд находится на стыке двух фолкнеровских амплу: считая себя стальной магнолией, в глазах остальных она выглядит скорее карикатурной старой девой.

5.2. Второстепенные белые персонажи: друзья и враги. Поскольку в плантаторском романе почти всегда есть место любовному конфликту, наиболее воспроизводимым амплу является жених или соблазнитель дочери. Герой, который пытается войти в семью, забрав символ семейной чести (чистота дочери), однозначно трактуется как опасность для всего Юга. Потому жених/соблазнитель чаще всего приезжий. Персонажей Фолкнера очень условно можно назвать соблазнителями: нивелируется степень их активности и

---

³⁰ Smith R.G. Steel Magnolia // The Companion to Southern Literature. P. 860-861.

личной ответственности, в некоторых случаях (Герберт Хедд, Чарльз Бон) они сами оказываются жертвами южной семьи.

По сравнению с плантаторским родом более преуспевающими зачастую оказываются южане не англосаксонского происхождения³¹, – шотландцы, ирландцы или немцы, которые ближе героям фронта. Они более предприимчивы и хитры, но в плантаторском романе остаются на правах второстепенного персонажа. С ростом националистических настроений меняется и отношение к этим героям: из друзей плантаторов они становятся местным вариантом саквояжников («Лесная наука» У.Г. Симмса, «Пятна леопарда» Т. Диксона). В романах Фолкнера шотландцы ближе всего своему изначальному амплу охотников (Маккалемы в «Сарторисе»), очевидно это даже на примере плантаторской семьи Маккаслинов. К этому амплу можно отнести и Томаса Сатпена, который не выталкивает аристократию, а берет ее образ жизни за образец и занимает место подле нее.

Амплуа дельца зачастую совпадает с амплу шотландца («Вперед, на Запад!» У.К. Полдинга), однако аболиционистская литература привнесла также амплу дельца-работоторговца и дельца-надсмотрщика, выманивающего имущество простодушного плантатора. Фолкнер остается верен традиции, изображая дельца отрицательным персонажем. Однако создавая образ бесчестного дельца из низов (Флем Сноупс), Фолкнер уравнивает его столь же бесчестным дельцом-аристократом (Джейсон Компсон).

Юрист – самый близкий семье плантаторов человек, ее друг и защитник. Разделяя ценности плантаторского класса, он остается более благоразумным и преуспевающим. С уходом института рабства границы между южным джентльменом и поверенным сглаживаются: очевиднее всего это слияние двух амплу проявляется в фолкнеровском персонаже Гэвине Стивенсе.

5.3. Черные и цветные персонажи. Фигуры цветных персонажей плантаторские романы позаимствовали из минстрел-шоу. Черная няня – персонаж, занимающий в семье третье место после матроны и патриарха. В довоенный период амплу черной няни появлялось в женских романах «домашнего очага»³², после войны этот образ получил силу благодаря Т.Н. Пейджу³³. Фолкнер также воспроизводит амплу преданной и заботливой няни, наделяя ее величием довоенной матроны. Дилси в большей степени мать и хозяйка в доме Компсонов, чем Кэралайн. Молли Бичем буквально заменяет матрону,

---

³¹ Taylor W.R. Cavalier and Yankee. P. 315-324.

³² Морозова И.В. Дискурс Старого Юга в «романе домашнего очага»: творческое наследие писательниц США первой половины 19 в. Автореферат дисс... д-ра филол. наук. – СПб., 2006. С. 55-56.

³³ Page T.N. Social Life in Old Virginia Before the War. – N.Y.: C. Scribner's Sons, 1897. P. 59-60.

появляясь в доме плантатора в ночь смерти хозяйки. Черные няни Фолкнера, пережившие войну, обладают также чертами «стальной магнолии» (Цинтия).

Черный дядюшка – пожилой негр, безоговорочно верный хозяину и ностальгирующий по былым временам процветания господского рода. Дядюшка чувствует себя членом знатной семьи. В послевоенном романе он также может служить рассказчиком (Т.Н. Пейдж, Дж.Ч. Харрис)³⁴. У Фолкнера это амплуа чаще лишено оригинальности, персонаж может быть карикатурен, комически заострен, но в пределах канона (Саймон, Джубал, Помп). Другая вариация дядюшки – бессловесные герои, являющиеся частью пейзажа (Роскус, Джоби).

«Наглый негр» в плантаторском романе служит подтверждением необходимости цивилизаторского подхода к неграм. В предвоенном романе это скорее безобидно-комический образ, после войны это чаще всего сторонник освобождения. В условиях Реконструкции появляется образ коррумпированного негра (Дж. Кейбл, Т. Диксон). «Наглый негр», реализующий свое право на свободу, встречается у Фолкнера в традиционном виде: Кэспи и Люш выписаны по одному трафарету.

Трикстер – это более поздняя вариация «наглого негра». Чернокожий трикстер чаще всего прикрывается ролью недалекого дядюшки³⁵ («Колдунья» Ч.У. Чесната)³⁶. У Фолкнера также присутствуют трикстеры, надевающие чужие маски. Если попытки Саймона обхитрить хозяев очевидны, то в романе «Шум и ярость» появляется другой, более хитрый и неуловимый персонаж – Дьякон. Он южанин, который играет на Севере роль покорного раба перед приезжающими с Юга студентами. Для них он устраивает специальный маскарад, одеваясь в духе «Хижины дядюшки Тома», используя расхожий стереотип в своих целях.

Друзья детства/молочные братья – в плантаторском романе, как правило, речь идет о мальчике, с которым южный джентльмен дружил в детстве. С этим персонажем молодого джентльмена к моменту его взросления уже ничего не связывает, однако былой дружбы с ним герой не стыдится. Фолкнер показывает все варианты дружбы мальчиков разного цвета кожи: это и полузабытая старая история из детства (Квентин и Верш), и крепкая дружба с полным равноправием (Баярд и Ринго), и стыд за дружбу с цветным (Рос Эдмондс и Генри).

---

³⁴ Flora J.M. Faithful Retainer // The Companion to Southern Literature. P. 244-247.

³⁵ Hovis G. Masking // The Companion to Southern Literature. P. 477-479.

³⁶ Martin G. Dancing on the Color Line: African American Tricksters in Nineteenth-Century American Literature. – Jackson (MS): UP of Mississippi, 2015.

В аболиционистской литературе неоднократно указывалось, что в семье плантатора росли не только молочные братья и сестры, но и родные, мулаты – плод связей плантатора с цветными рабынями.

Мулатка-красавица – персонаж минстрел-шоу, девушка со светлой кожей и европейскими чертами лица, которая становится объектом желания мужчин³⁷. Мулатка капризна, непостоянна в увлечениях – она сочетает черты распутной «Иезавели» и южной красавицы. Особое внимание этому амплу уделил Т. Диксон, демонизируя мулаток, обвиняя их в соблазнении белых мужчин, в намеренном смещении рас.

В «Сарторисе» Фолкнер воспроизводит амплу легкомысленной и заносчивой мулатки, которая становится объектом желания и причиной гибели верного дядюшки Саймона. Более сложные персонажи появляются на страницах «Авессалома»: так, окторонка Бона оказывается воплощением истинной женственности, тем самым оттеняя жесткость своей соперницы Джудит. Клити, напротив, близка Джудит: ей не свойственны черты красавицы, она скорее няня и «стальная магнолия».

Трагический мулат – персонаж из аболиционистской литературы³⁸; в плантаторском романе он появляется после 1880-х гг. у Дж. Кейбла, Дж. Харриса, Ч. Чесната, Т. Диксона.

В романах Фолкнера это амплу не встречается в чистом виде. В случае Кристмаса, чаще всего называемого трагическим мулатом, важна не столько кровь, о которой ничего достоверного не известно, а его отчужденность как от белых, так и от негров, неумение вписаться в какое бы то ни было сообщество³⁹. В Чарльзе Боне доминируют скорее черты соблазнителя-чужака, трагическим мулатом является его сын⁴⁰. Вариацией трагического мулата является также Лукас Бичем, однако в нем соединяются разные амплу цветных персонажей: дядюшка, трикстер, денди, южный джентльмен.

В произведениях Фолкнера воспроизводится набор персонажей плантаторского романа, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти амплу у Фолкнера лишены однозначности, цельности, наделены нетрадиционными характеристиками. Изначальное амплу и персонаж Фолкнера могут разительно отличаться, несмотря на формальное внешнее сходство: обусловлено это как трансформацией амплу, происходящей на протяжении развития традиции, так и переосмыслением того или иного типа Фолкнером.

---

³⁷ Панова О.Ю. Негритянская литература США 18-начала 20 века: проблемы истории и интерпретации: Дисс... д-ра филол. наук. – М., 2014. С. 196.

³⁸ См.: Berzon J.R. Neither White nor Black: the Mulatto Character in American Fiction. – N.Y.: New York UP, 1978.

³⁹ Brooks C. Faulkner's Treatment of the Racial Problem: Typical Examples // William Faulkner: Critical Collection. A Guide to Critical Studies with Statements by Faulkner and Evaluative Essays on his Works / Ed. L.H. Cox. – Detroit (MI): Gale Group, 1982. P. 448-458.

⁴⁰ Делазари И.А. Аксиологические модели в структуре художественного мира У. Фолкнера: Дисс... канд филологических наук. – СПб, 2003. С. 109-110.

В Главе 6 «Сюжетные схемы» рассматривается, как в плантаторском романе развиваются определенные шаблонные схемы, по которым выстраивается сюжетный конфликт.

6.1. Разорение южной семьи. Падение южного рода происходит на нескольких уровнях – как материальном, так и духовном: разгульный образ жизни отца семейства, слабость и бессилие матери, вспыльчивость сына, которая приводит его к гибели, бесчестье дочери. В послевоенное время падение семьи закономерно связывают с поражением Юга. Теперь уже плантации оказываются разорены не из-за долгов владельца: часть средств уходит на обеспечение армии Конфедерации, а все оставшееся забирают при набегах янки. Мужчины же гибнут, защищая родные земли. На смену сетованиям на неблагоприятное положение южан приходит воспевание их военной славы и доблести.

6.2. Любовные интриги. Как правило, в плантаторском романе сватовство не проходит без перипетий. Против жениха выступают или родители из-за незнатного происхождения или бедности молодого человека («Воспоминания Грейсонов»), или же сама девушка – из-за каприза («Суоллоу Барн», «Масса Чан») или из-за любви к другому. Если изначально сопротивление воле родителей расценивалось отрицательно, то после войны южная леди наделяется большей свободой выбора, она может отваживаться и на разрыв с семьей («Белая роза Мемфиса»), и даже на тайный брак («Пятна леопарда»).

6.3. Расовое смешение. Нападение негра на белую женщину. Линчевание. В страхе перед мисцегенацией видится исконно южный ужас перед чужаками. Если в предвоенные годы главным источником угрозы считались северяне, то после войны в период Реконструкции главным врагом стала черная раса⁴¹. При этом важнейшим топосом оказывается именно насильственная связь негра с южанкой⁴² (Т.Ф. Диксон). Другой способ смешения рас – через ассимиляцию светлокожих негров и пересечение расовой границы выбирают персонажи Ч.У. Чесната и Дж. Кейбла.

6.4. Роковые тайны и интриги. Тайна рождения и родства. Как правило, речь идет или о тайнах, связанных с происхождением, или же о каких-то постыдных секретах. Потому изначально носителями этих секретов оказывается не благородная южная семья, а их недоброжелатели или рабы («Воспоминания Грейсонов»). В романе Бичер-Стоу вскрываются замалчиваемые в плантаторском романе тайны: незаконные дети-мулаты от

---

⁴¹ Wells J. *Romances of the White Man's Burden: Race, Empire, and the Plantation in American Literature, 1880-1936.* – Nashville (TN): Vanderbilt UP, 2011. P. 111-143.

⁴² Gunning S. *Race, Rape, and Lynching: The Red Record of American Literature, 1890-1912.* – Oxford (U.K.): Oxford UP, 1996.

связей плантаторов с их рабынями-наложницами. В послевоенном плантаторском романе происходят встречи полукровок с отцами: проданные дети жаждут мести за испорченную жизнь (Дж. Харрис, Ч. Чеснат). В романе Т. Диксона «Грехи отцов» сплетается сразу несколько топосов, значимых уже для Фолкнера: расовое смешение, тайна рождения и инцест.

6.5. Охота. Охота являлась одним из неперенных атрибутов быта деревенского джентльмена, позволявшим похвастаться силой и ловкостью⁴³. Охота была ритуализированным действием, совершавшимся в определенное время и в определенном кругу. Охотились как на животных, так и на людей – беглых рабов, дезертиров и преступников.

6.6. Война. В изображении войны сплетался исторический и собственно плантаторский роман. Некоторые элементы описания Войны за независимость (разорение плантаций, угон мулов и негров, гибель мужчин) переходят и в роман второй половины XIX века. В связи с войной воспроизводится ряд отдельных сюжетных схем-топосов⁴⁴:

- мужчины уходят, женщины и дети остаются, принимая у себя южные отряды;
- воровство и дезертирство;
- вторжение янки: разорение усадьбы, кража мулов, освобождение рабов;
- любовь на фоне войны и спасение от янки;
- возвращение мужчин домой/героическая гибель на войне.

6.7. Сюжетная топика и ее переосмысление у Фолкнера.

В романе «Сарторис» упадок прежде славного южного рода становится главной темой. Угасает старый Баярд Сарторис, погибает на войне Джон Сарторис, а потом и молодой Баярд. Славная гибель является лейтмотивом романа. В романе «Шум и ярость» также главной темой является упадок рода, однако этот топос-сюжет гиперболизирован и заострен: падение происходит на всех возможных уровнях, не ограничиваясь разорением или болезнями.

Интерес для Фолкнера представляет также фигура чужака – объекта обвинений, которому приписываются все беды Юга. Речь идет о соблазнителе/насилльнике/вымогателе, представляющем угрозу чести южной дамы, а значит, и всему южному сообществу. Рассказ «Засушливый сентябрь», в котором речь идет о расправе над негром, якобы обидевшим южную даму, подготавливает почву для темы расовой нетерпимости. В романе «Свет в августе» Фолкнер переосмысливает топос

---

⁴³ Marks S.A. Hunting // The Companion to Southern Literature. P. 361-363.

⁴⁴ Aaron D. The Unwritten War. American Writers and the Civil War. – Madison (WI): University of Wisconsin Press, 1987. P. 285-310.

нападения на белую женщину с помощью смены ролей агрессора и жертвы, указывая на невозможность однозначного и моментального установления истинного виновника и мотивов преступления.

Фолкнером неоднократно упоминается Гражданская война как переломный момент в существовании Юга. Военный Юг, изображенный Фолкнером, полон противоречий: его южане могут быть хитрее и опаснее янки, вместо открытых сражений война оказывается серией вылазок. Фолкнером переосмысливается миф, который выстраивали десятилетиями вокруг Гражданской войны, и традицию, которая сделала войну центральным мотивом.

Охота является постоянным топосом произведений Фолкнера: если охота не изображается, то по меньшей мере встречаются упоминания о ней («Сарторис», «Шум и ярость», «Авессалом»). Охота является центральным образом в сборнике «Сойди Моисей». Фолкнер, используя топос охоты на животное или человека, по-новому расставляет акценты: он делает охоту самодостаточным сюжетом, вплетая в него историю Юга, перемешивая грубоватых героев фронта с джентльменами и леди плантаторских романов.

В романе «Авессалом» сплетаются все возможные темы плантаторского романа, начиная с прихода чужака и заканчивая угрозой расового смешения. Каждый из рассказчиков создает свою историю семьи Сатпенов, тем самым дает ход развитию отдельного сюжета. Роман усложняется с каждым витком, центральная загадка находит различные объяснения, соответствующие различным этапам развития плантаторского романа: меняя мотивы убийства Чарльза Бона, Фолкнер словно играет с жанровыми разновидностями, возникавшими в ходе эволюции традиции. Героя, подобного Бону, можно найти на любом этапе традиции: Бон – обманщик-соблазнитель (Дж. Такер), герой войны, так и не вернувшийся к невесте (Т.Н. Пейдж), брат Джудит и Генри (Т. Диксон), Бон – цветной (Ч.У. Чеснат, Т. Диксон).

Различные сюжеты переплетаются в романах Фолкнера, лишаясь при этом завершенности и однозначности. Обращаясь к клишированным сюжетным ходам, Фолкнер строит порой до абсурда перегруженное действие, тем самым пробуждая читательское недоверие к устойчивым формулам, вызывая более критический и внимательный взгляд на прежде однозначно трактуемые события романов.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работе. Кратко характеризуется развитие топики плантаторского романа в XIX в. и суммируется характер трансформаций, переозначивания и слома, которым она подвергается в произведениях Фолкнера.

По теме диссертации опубликовано 8 научных работ, в том числе 3 в изданиях ВАК:

1. Юг цветущий и Юг увядающий: символика растений в романах У. Фолкнера // Вестник Московского государственного областного ун-та. – Сер. Русская филология. – 2014. – №5. – С. 92-97.

2. Южная усадьба в романах У. Фолкнера // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – №1. – С. 73-77.

3. Юг военный в творчестве У. Фолкнера // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. – 2016. – №2. – С. 27-34.

4. Литературные типы южан у Дж. Такера и У. Фолкнера: преемственность и ревизия канона / Анастасия Володина // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2014. (CD).

5. Джордж Такер и Уильям Кларк Фолкнер: от «южности» к «американскости» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015». М.: МАКС Пресс, 2015. (CD).

6. Литературные типы южан у Дж. Такера и У. Фолкнера: преломление традиции // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. – 2015. – № 6. – С. 97-102.

7. Джордж Такер и Уильям Кларк Фолкнер: угасание «южности» // Stephanos. – 2015. – № 6 (14). – С. 223-228. – URL: <http://www.stephanos.ru/index.php?cpub=343>

8. «Золотой век» американского Юга: трансформация мифологемы в романе Уильяма Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» // Мифологические образы в литературе и искусстве / Отв. ред. М.Ф. Надъярных, Е.В. Глухова. – М.: Индрик, 2015. – С. 144-153.